

МНЕ СНИТСЯ СИБИРЬ

Исполнитель роли богатого человека Луиса Альберто
 чуть было не уехал из нашей страны нищим

Возвратившись в Мехико после гастролей по России и Латвии, Рохелио Герра некоторое время приходил в себя. «О, это забываемо, — повторял он мне по телефону. — Это похоже на сон». От ответа на вопрос: «Плохой или хороший?» — Рохелио уклонился, что вызвало во мне нехорошие предчувствия. Но вот наконец мы встретились, и он поведал о своем путешествии по городам и весям бывшего СССР, где пережил много такого, о чем вряд ли когда-нибудь забудет.

С НАЧАЛА я буду говорить о хорошем, — начал Рохелио, — потому что в конечном счете это и есть самое для меня глупое. Я имею в виду отношение публики, теплоту и радушие, с которыми нас встречали повсюду. Мне говорили хорошие слова, дарили открытки, книги, но чаще всего — цветы. Я знаю, как дорого они стоят зимой и как непросто для большинства из ваших людей их купить, особенно в нынешние кризисные времена. Поэтому еще раз, через вашу популярнейшую газету, хочу поблагодарить всех, кто проявил ко мне внимание. Я этого никогда не забуду.

Во время гастролей мы побывали в девяти городах, а также в поселке Губкинский, расположенном в Сибири, недалеко от Полярного круга. Как мне объяснили, это самый северный в вашей стране поселок нефтяников. Там было 52 градуса ниже нуля, что само по себе явление из ряда вон выходящее, особенно для нас, мексиканцев. До выступления в тамошнем клубе меня предупредили: «Рохелио, здесь живут люди северные, холодные, но слишком щедрые на эмоции. Они могут раздражаться очень сдержанно, ты не расстраивайся». Но когда я вышел на сцену — а зал был маленький, человек на 300, — то уже через минуту публика была вне себя от восторга. Я так и не понял, почему обитателей тех мест считают холодными людьми.

Программа вашего выступления включала конкурс на лучшее исполнение роли Марианны. Какая из российских Марианн вам больше всего понравилась?

Этот конкурс пользовался неизменным успехом. Мы приглашали на сцену трех зрительниц и показывали эпизод из «Богатых», который предстояло сыграть в паре со мной. Почти всегда нам приходилось уговаривать публику, потому что вначале никто не хотел выходить. Но потом «лед таял», и от желающих не было отбоя. В моих партнершах оказывались женщины самые разные: совсем юные и лет эдак под шестьдесят, худенькие и очень полные, ослепительно красивые и просто симпатичные. Вели они себя на сцене тоже по-разному. Одни смущались, другие смеялись, третьи плакали (сцена, которую мы играли, была драматическая), а иные просто теряли дар речи. Но все очень старались. Каждая привносила в образ Марианны что-то свое, и это нравилось не только мне, но и публике.

Как вам показались наши города? Удавалось ли побывать в музеях и театрах, как вы хотели?

В некоторых мы побывали. В Санкт-Петербурге, например, посмотрели балетный спектакль, в Москве тоже были на балете в Большом театре и остались в восторге. Еще были в московском цирке и в театре кукол, где тоже очень понравилось. Если говорить о городах, об их архитектуре, то я бы выделил Санкт-Петербург и Ригу. В Москве на меня произвел впечатлительный центр и широкие проспекты, посаженные деревьями. Представляю, как это должно быть красиво летом, когда все покрывается зеленью.

Вы много путешествовали и жили в гостиницах. Что вы можете сказать о нашем гостиничном сервисе?

Гостиницы были разные. Очень хорошие нам попались в 2—3 городах. В некоторых местах нас селили в бывших партийных домах, предназначенных для гостей. Как нам объяснили, они теперь открыты для обычных туристов. Никакого особенного сервиса там не было. Как правило, в этих домах обстановка довольно строгая, почти спартанская. Туалет с ванной — один на этаж, что было для нас не совсем привычно. Но в итоге мы пришли к выводу, что какая-то своя прелесть в этом есть. По утрам мы выстраивались в очередь, подшучивая друг над другом.

Самое интересное жилье оказалось в Сочи, где нас поселили в резиденции Сталина. Мне с женой даже предложили выбор между апартаментами самого вояды и номером, в котором останавливался Мао Цзэдун. В нем мы и поселились, потому что из окон этого номера открывается вид на море. Директор резиденции знал испанский язык. Он провел нас по всему дому, после чего объявил: «Раньше я говорил посетителям, что в этой комнате жил Мао Цзэдун. Теперь буду добавлять, что еще и Луис Альберто».

Вы заметили, что у нас в стране имеются трудности с продовольствием?

Нет, такой возможности у нас не было. Я бы даже сказал, что мы устали от еды и в какой-то момент поняли, что употреблять пищу в таких количе-

ствах больше не в состоянии. У меня сложилось впечатление, что прием пищи занимает особое место в жизни русских людей, что у них многое вращается вокруг этого. Я понимаю — мы были гостями. Простые люди, надо полагать, не видят такого гастрономического изобилия, какое предлагалось нам. Мы говорили: «Давайте лучше посмотрим город, а перехватим что-нибудь по дороге». «Нет, — отвечали нам, — по дороге особенно не поешь. В этом городе нет хороших ресторанов». «Ну, тогда давайте возьмем немного еды с собой в автобус». «Нет, надо идти есть. Уже все готово, и нас ждут». Насколько я понял, еда — это очень важная составная часть российского гостеприимства.

Вы правильно поняли. Но есть еще одна важная составная часть...

О, да. Это было для меня самое трудное. Сначала я никак не мог взять в толк, что нужно делать с водкой, когда ее ставят на стол за завтраком. Я рассказывал об этом своим зрителям, отвечая на их вопросы, и они очень смеялись. Но я действительно не могу пить за завтраком ничего алкогольного. За ужином — да, но совсем немного. А все горели желанием со мной чокнуться, и в этом заключалась проблема. Вскоре мне удалось выработать спасительную тактику действий. Я понял, что самое главное — это чтобы рюмка не пустела, иначе тебе немедленно наполняют ее. Поэтому залпом я выпивал только первую. А потом за разговорами и тостами уже отпивал по-немногу.

Если развивать эту тему и говорить серьезно, то нам бросилось в глаза большое количество пьяных людей на улицах. Некоторые валялись прямо на земле. Самое печальное, что среди пьяных много молодежи, есть подростки 12—14 лет. На мой взгляд, ситуация у вас в этом смысле очень тревожная.

У вас появились друзья в России?

Мы все время находились в пути. Самолеты сменялись поездами, а поезда — автобусами. За время путешествия мы очень подружились с нашими переводчицами Татьяной и Наташей и с нашими телохранителями — Сергеем и Николаем, которого потом сменил Виктор. Меня они не оставляли ни на секунду. Нет, опасности для моей жизни никакой не было. Но случалось, что многие люди одновременно желали выразить мне свои чувства, возникала толпа, давка. И эти крепкие ребята делали так, чтобы нас не помяли. В начале нашего знакомства у них были серьезные, холодные, непроницаемые лица, не располагавшие к общению. «Ну и роботы», — думали мы. А потом выяснилось, что они такие чуткие, сердечные и сентиментальные люди, каких я мало встречал в своей жизни. Когда мы прощались, у всех нас в глазах стояли слезы.

Вам удалось побывать в домах, познакомиться с бытом российских граждан?

Не удалось, хотя первоначально это вроде бы даже планировалось нашей программой. Однажды, правда, нас пригласили в колхоз, но с бытом не знакомили, а угостили ужином, который нам очень понравился. Потом устроили русскую баню. Меня хлестали березовым веником, а когда я уже не мог терпеть, мне сказали: «В снег!» И я прыгнул в снег. Такое не забывается.

Вы не простудились?

Простудились все, но не от того, что прыгали в снег. Дело в том, что в Воронеже нам пришлось выступать на хоккейном стадионе. Там возвели примитивные подмости, а на лед положили синтетический ковер. Было очень холодно, сзади, из туннелей под трибунами, на нас шел поток холодного воздуха, а во время выступления мы потели. После этого все заболели. Через несколько дней в Риге мне пришлось делать внутривенную инъекцию, иначе я не смог бы выйти на сцену.

Надеюсь, что это были единственные ваши неприятности во время гастролей...

К сожалению, это не совсем так. Наши выступления оказались очень плохо организованными, и об этом я тоже хочу рассказать.

Предложение о гастрольях я получил в Мехико через посредников, которые выступали от имени российской компании «Интэкс». Посредники меня очень торопили, в результате чего контракт был подписан «на бегу». Я полагал, что имею дело с джентльменами и не обязательно заносить в контракт все, о чем мы договорились устно. К тому же речь шла о вещах очевидных. О том, в частности, что мне понадобится техниче-

ское оснащение: радиомикрофоны, звуковой миксер, хороший магнитофон, световая аппаратура, декорации. Ведь мы пригласили почти двухчасовую программу с песнями и танцами, в том числе мексиканскими, желая доставить приятное вашим зрителям. Но поскольку певец я непрофессиональный, то мне была нужна хорошая аппаратура для подстраховки. Меня заверили, что все это будет и что нас будут сопровождать техники.

К сожалению, ни нужной аппаратуры, ни декораций во многих случаях не было. Техники тоже с нами не ездили, а всякий раз были новые, не знавшие нашего спектакля. Поэтому за техников работали мои артисты, а моя жена гладила наши костюмы и собирала записки у зрителей. Всего нас было 7 человек в группе, и если бы не наш энтузиазм, то гастроль бы сорвалась. Я не отменил ни одного выступления только из уважения к вашей публике, которая платила за билеты большие деньги.

У меня сложилось впечатление, что организаторы гастролей во многом просчитались, в том числе в своей ценовой политике. Они арендовали хоккейные стадионы, совершенно не приспособленные для такого рода зрелищ, и устанавливали цены как минимум 400 рублей за билет. Но ведь ясно, что большинство людей не станет платить такие деньги, чтобы пойти на холодный стадион, не зная, что они там увидят.

Я говорил организаторам: «На стадионе не менее 8 тысяч мест. Зачем брать по 400 рублей за билет, если приходят 200 зрителей? Возьмите 50 или 100 рублей, сделайте рекламу, и вы выручите гораздо больше денег». Но они, видимо, действовали по принципу «все или ничего» и хотели затратить минимум организационных усилий. В итоге если мы выступали в театрах, то свободных мест не было. А хоккейные стадионы пустовали. В Москве, где мы дали три представления в ледовом дворце, почти не было публики. То же самое произошло в Воронеже на втором нашем выступлении. Мне было очень досадно, что из-за плохой организации многие ваши зрители не смогли с нами встретиться.

К сожалению, в Мехико я знал очень мало о компании «Интэкс», которая нас пригласила. Только в Москве окончательно выяснилось, что она занимается туризмом, но не имеет никаких отношений к организации зрелищных мероприятий. Поэтому заключил контракт с компанией «Шоу-иллюзион Игоря Кио», которая и взялась за наши гастроли. Директор этой компании сеньор Юлий постоянно нас сопровождал. К нам он относился, мягко говоря, неуважительно. Но самое печальное, что своим отношением к делу он проявлял неуважение к публике. Хочу подчеркнуть, что поведение директора никоим образом не отразилось на общем впечатлении, которое сложилось у нас об отзывчивом, чутком и гостеприимном русском народе.

Последняя точка в наших напряженных отношениях с организаторами была поставлена в аэропорту «Шереметьево». Нарушив условия контракта, они отказались оплачивать перевес багажа. Платить по 37 долларов за килограмм, как того требовал «Аэрофлот», из своего кармана я не мог. Для меня это было бы разорение, потому что речь шла о многих тысячах долларов. Да, я подозревал, что после этих гастролей не разбогатею, но и превращаться в нищего мне не хотелось. Баша авиакомпания вошла в мое печальное положение и часть груза пропустила бесплатно. Еще часть мы навьючили на себя и, как стадо ишаков, побрели в самолет. Однако 200 килограммов багажа — в том числе часть реквизита, личные вещи, подарки зрителей — нам все же пришлось оставить в Москве на попечение нашего посольства.

Некоторое время спустя после основной группы прилетела «Аэрофлотом» одна из наших актрис, задержавшаяся по делам в Москве. Из ее чемоданов украли многие вещи, в том числе все видеокассеты, отснятые нами во время путешествия по России. После пережитого в «Шереметьево» мы восприняли это почти как должное и лишь благодарили Господа, что уцелело все остальное.

Вы хотели бы побывать у нас еще раз?

С удовольствием, но только не по приглашению этой компании. Я далек от того, чтобы смешивать плохую организацию наших гастролей с отношением ко мне вашей публики, ваших людей, перед которыми преклоняюсь и которым очень признателен за их искренние чувства.

Валерий КУЧЕРОВ,
 соб. корр. «Труда».

МЕХИКО.